

характеристику империи, «которая являлась немногим больше, чем конгломератом городов, областей и племен, стоявших на различном экономическом и культурном уровне и объединенных военной диктатурой римских императоров» (стр. 585). Чрезвычайно удачно написана глава, посвященная экономике и социальным отношениям I—II вв. н. э. В этой главе достаточное внимание уделяется технике, ремесленному производству, торговле, развитию ростовщического капитала, городам и городской жизни. Особенное внимание уделяет С. И. Ковалев характеристике сельского хозяйства, которое продолжало оставаться, по справедливому мнению автора, «основой экономики как Италии, так и провинций» (стр. 604), и появлению колоната. Хорошо использованы в этой главе письма Плиния Младшего, являющиеся ценным источником по истории землевладения на рубеже I и II вв. н. э., но вызывает удивление отсутствие упоминаний о широко распространенных законах о колонате (*lex Manciana* и *lex Hadriana*). В данной главе говорится только, что «к эпохе Антонинов императорский домен получил стройную организацию путем издания особых уставов (*Leges*)» (стр. 609). В разделе империи хорошо показана тесная связь экономической истории Рима с жизнью «варварской» периферии. Автор справедливо замечает, что в период возникновения и развития рабовладельческой системы периферия «является одной из важнейших предпосылок ее существования» (стр. 614). Напротив, «как только в результате кризиса начинают слабеть военные силы рабовладельческого общества, варвары переходят в наступление» (стр. 614).

В заключение нужно пожелать автору при переиздании своей книги пересмотреть ряд вопросов в свете новых гениальных трудов И. В. Сталина, отчетливее поставить проблему о соотношении базиса и надстройки. Нуждаются в коренном пересмотре вопросы истории раннего Рима и, в частности, происхождения этрусков. Для периодизации истории Рима автору необходимо учесть высказывание И. В. Сталина об империи Цезаря. Переработка основных положений книги в свете новых трудов И. В. Сталина поможет сделать труд С. И. Ковалева «Древний Рим» еще более ценным учебным пособием для советского студенчества.

Е. С. Голубцова

К. М. КОЛОБОВА, Из истории ранне-греческого общества (О. Родос IX—VII вв. до н. э.), Изд. ЛГУ, 1951, 338 стр., тираж 3000 экз., цена 18 руб.

Рецензируемая книга посвящена теме безусловно актуальной и интересной. Автором очень широко, если не исчерпывающе, использованы все основные, относящиеся к ней источники: и античная литературная традиция, и эпиграфические тексты, и материалы археологии. Так же полно использована и вся доступная автору литература вопроса. В круг привлеченных источников и литературы вошел не только материал, имеющий прямое отношение к истории древнего Родоса, но и по смежным вопросам. В использовании всего этого материала, особенно эпиграфического, автор нередко обнаруживает высокий уровень специальных знаний и исследовательских навыков.

Достоинства книги советского ученого, однако, определяются не только характером и шириной использованного в ней материала и уровнем специальных знаний автора, но прежде всего ее методологией: последовательным проведением принципа большевистской партийности в науке и идейной насыщенностью содержания. В данном конкретном случае при оценке книги К. М. Колобовой нельзя не принять во внимание еще некоторых особых обстоятельств. Книга эта в основном посвящена периоду, находящемуся на грани между крито-микенской эпохой и наиболее ранним этапом исторического развития собственно Греции. В нашей историографии этому периоду было уделено сравнительно меньше внимания, чем другим периодам античности. Разработка фактического материала почти целиком осуществлена буржуазными учеными, для которых весь этот период, как и вообще вся античность, издавна стали одним

из наиболее излюбленных объектов для всякого рода модернизаторских построений. С другой стороны, трактовка именно этого примыкающего к крито-микенской эпохе периода в сравнительно еще очень недавнем прошлом была объектом немарксистских и идеалистических построений Н. Я. Марра. Средиземноморские лингвистические параллели и использование материала античной мифологии играют весьма видную роль в так называемом палеонтологическом, четырехэлементном анализе Н. Я. Марра. По тому же пути, очень часто вступая в вопиющие противоречия с фактами, пошли и ученики Н. Я. Марра, к числу которых до самого последнего времени причислял себя и автор рецензируемой книги.

Из всего этого вытекает, что перед автором книги стояла двоякого рода задача. С одной стороны, ему предстояло критически разобраться в работах буржуазных ученых; с другой, — уберечь свою книгу от порочного влияния тех самых немарксистских построений, за которыми он сам еще недавно следовал. Успех или неудача автора в разрешении этой главной задачи предreshают общую оценку всей книги. Достигнуть положительных результатов можно было только путем большевистской принципиальной критики и самокритики, т. е. путем раскрытия прежних ошибок в трактовке общих вопросов этой темы и пересмотра всех проблем в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

С этой точки зрения при первом же знакомстве с книгой обращает на себя внимание полное отсутствие каких бы то ни было упоминаний о гениальном труде И. В. Сталина. Если бы не дата на обложке, читатель не мог бы определить, вышла ли книга К. М. Колобовой до или после опубликования труда И. В. Сталина. Создается впечатление, что эта книга, для которой решающее значение имеет правильный взгляд на проблемы этногенеза, ассимиляции и формирования греческой народности, осталась совершенно в стороне от того общего подъема, какой был вызван в советской науке появлением классического труда И. В. Сталина.

Впечатление это еще более усиливается при более близком ознакомлении с содержанием книги. Автор обращает основное внимание на три вопроса: 1) микенский Родос; 2) Родос архаической эпохи и роль его родовых организаций; 3) родосская колонизация на фоне греческой колонизации VIII—VII вв. до н. э. Каждому из этих вопросов в книге отводится по особой главе. Для характеристики общей концепции автора наиболее интересна первая глава, поскольку в ней затрагивается принципиально важная проблема о конце крито-микенского периода и начале греческого. Следует напомнить, что в этом вопросе до недавнего времени существовали две противоположные точки зрения. Точка зрения Б. Л. Богаевского была развита на основе порочных положений Н. Я. Марра. Не считаясь с фактами, игнорируя уровень развития крито-микенской культуры, интенсивность и широту ее распространения, существование письменности и т. д., Б. Л. Богаевский утверждал, что крито-микенское общество даже в пору наивысшего его расцвета не изжило первобытно-общинного строя, не дошло до классовой структуры и государства. Мы встречаемся здесь, таким образом, с типичным для последователей Н. Я. Марра стремлением искусственно снизить уровень развития крито-микенского общества, стремлением ценой любых натяжек его архаизировать. Это нужно было для того, чтобы обосновать порочную теорию Марра о так называемом «стадиальном» возникновении греков; изобразить конец крито-микенской эпохи и наступление нового периода, как последовательное стадиальное переоформление носителей крито-микенской культуры в греков. Отсюда отрицание какой-либо роли за процессами миграций, в частности и отрицание дорийского завоевания. На этой точке зрения раньше целиком стояла и К. М. Колобова.

Вторая точка зрения — подлинно историческая. Согласно этой точке зрения, на Крите в пору его расцвета уже существовало примитивно-рабовладельческое государство. Согласно этой точке зрения, учитывающей данные по расшифровке крито-микенской письменности, древние критяне и греки представляли собой различные народности, говорившие на различных языках и стоявшие на различных ступенях социально-экономического развития. Победа греков и полное исчезновение носителей крито-микенской культуры скорее всего сопровождалось появлением новых племен-

ных группировок, которые сокрушили прежнюю культуру и на ее развалинах построили свою собственную. Эта точка зрения господствует в советской науке уже с 1940 г., когда на дискуссии, организованной в Москве ОИФ АН СССР (см. ВДИ, 1940, № 2, стр. 204 сл.), дружными усилиями советских историков и археологов была доказана полная научная несостоятельность концепции Богаевского.

К какой же из этих двух точек зрения в настоящее время примыкает К. М. Колобова? В своей книге она нигде не ставит прямо вопроса о социально-экономическом строе микенского Родоса и Крита и нигде не дает развернутой его характеристики, хотя постановка такого вопроса для любого марксистского исследования является совершенно обязательной. Тем не менее выявить точку зрения автора книги на эту проблему не составляет особого труда. Соответствующим образом интерпретируя родосскую топонимику, мифологию, родосские некрополи, архаические культы и архитектуру Врулийского святилища, а также предание о тельхинах, К. М. Колобова приходит к выводу, что «весь Родос был охвачен микенской культурой» (стр. 20). Как же в таком случае представляет автор смену на Родосе микенского периода периодом дорийским? На стр. 30 сл., а также на стр. 49, 68, 75, 84 и др. автор упоминает о дорийцах и дорийском завоевании Родоса, из чего как будто следует, что реальность дорийского вторжения им не отрицается. Однако вот что, резюмируя свои взгляды на дорийское завоевание, пишет К. М. Колобова на стр. 30 сл.: «... проникновение дорийцев предшествовало их завоеванию... в большинстве районов, особенно в районах, удаленных от центра микенской культуры, появление дорийцев не сопровождалось отчаянными схватками и порабощением местного населения; но, как можно думать, процесс ассимиляции, начавшийся уже раньше, развивался теперь, может быть, более ускоренным темпом» (стр. 30). В конечном счете автор приходит к выводу, что «...конец микенской культуры, около 1200 г. до н. э., был обусловлен для Родоса, как и для Крита, не мощными крушениями, но постепенным отмиранием» (стр. 31). Упомянув о дорийском завоевании Родоса, К. М. Колобова, таким образом, вкладывает в слово «завоевание» совершенно необычное содержание. Какие могут быть основания называть обрисованный процесс «завоеванием», если завоеватели постепенно просачиваются в среду завоеванных, еще до завоевания, если само это «завоевание» не сопровождается никакими «отчаянными схватками» завоевателей с завоевываемыми, если в результате этого «завоевания» победители не порабощают побежденных?

Но может быть, в распоряжении автора имеются доводы, способные оправдать его определение? Таких доводов в книге приводится в основном два. Первый из них заключается в том, что в древнейших погребениях микенского Родоса, наряду с труположением, применялась и кремация, в дальнейшем же преобладание получает одна кремация. По мнению автора, это свидетельствует о существовании двух различных этнических групп и их постепенной ассимиляции. Вряд ли этот довод сам по себе может быть признан достаточно убедительным. Критяне хоронили в одно и то же время своих покойников то в пифосах, то в глиняных саркофагах. Что касается греков, то опять-таки хорошо известно, что у них труположение и кремация сосуществовали на протяжении многих веков параллельно.

Вторая группа доводов К. М. Колобовой еще менее убедительна. Эти доводы сводятся к нескольким упоминаниям (стр. 23) о существовании промежуточных форм между микенскими стилистическими приемами художественной росписи сосудов и геометрическим стилем. Факт существования таких промежуточных форм между обоими этими стилями отрицать не приходится. Однако и на Крите, и на территории, находившихся под его воздействием, эти переходные формы появляются уже тогда, когда прежняя культура Крита находилась в полном упадке. Факт существования переходных форм, таким образом, никак не противоречит представлениям о катастрофе, повлекшей за собой полный упадок крито-микенского общества¹.

¹ См. Дж. Пендлбери, Археология Крита, стр. 247; В. Георгиев, ВДИ, 1950, № 4, стр. 62 и акад. В. В. Струве, там же, стр. 43.

Итак, известный нам фактический материал не только не подкрепляет положений К. М. Колобовой, но, напротив, встает с ними в явное противоречие. Автор в данном случае базировался не на фактическом материале, а на иных предпосылках. Бросается в глаза близость этих предпосылок к концепции Б. Л. Богаевского, откровенно отрицавшего с прямыми ссылками на порочную теорию стагнальности Н. Я. Марра реальность дорийского завоевания.

Чтобы полностью убедиться в правомерности этого вывода, остановимся несколько подробнее на трактовке К. М. Колобовой процесса ассимиляции на Родосе. Дорийцы, по ее мнению, стали проникать на Родос до дорийского завоевания, в ту пору, когда основная масса населения острова, очевидно, еще состояла из потомков критских переселенцев. Именно так этот процесс автор себе и представляет. Только в таких условиях процесс ассимиляции можно себе представить в форме постепенного растворения пришлых элементов в основной толще микенского населения. Почти все родосские мифы, верования и культы, засвидетельствованные уже в дорийское время, по мнению К. М. Колобовой, связаны с Критом и минойским периодом; все они в большей или меньшей мере представляют собой, по ее выражению, минойские «переживания». Так, например, родосская патра Кретилады (стр. 93) связывается ею с критскими колонистами и т. д.

Но как же в таком случае решается автором вопрос о языке? Язык Родоса более поздней и лучше известной эпохи — это язык греческий в дорийской его разновидности. Между тем, язык критских колонистов, переселившихся на Родос и заселивших его в микенское время, по всем признакам был не греческим и уж во всяком случае генетически не был связан с дорийским диалектом. Хотя крито-микенская письменность не может еще считаться расшифрованной, тем не менее после выхода в свет исследований Грозного¹ стало совершенно очевидным, что многочисленные надписи, в частности и те 600 надписей, которые были найдены Бледженом и Куруниотисом недалеко от мессенского Пилоса, написаны не на греческом языке, а на языке с совершенно отличной от него слоговой системой. Это, конечно, не значит, что на территориях, испытавших на себе культурное воздействие Крита, не было таких групп населения, которые говорили на языке с основным словарным фондом и грамматическим строем греческого. Можно ли, однако, к числу таких групп отнести и население микенского Родоса? Если принять точку зрения К. М. Колобовой на заселение этого острова критскими колонистами, для такого предположения нет ровно никаких оснований. Таким образом, вопрос о почти бесследном исчезновении языка микенского Родоса и полной победе дорийской разновидности греческого в рецензируемой книге оставлен открытым.

«Марксизм, — указывает И. В. Сталин, — не признаёт внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка»². «... При скрещивании, — указывает далее И. В. Сталин, — один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает» (там же, стр. 29 сл.). В этой связи П. Н. Третьяков совершенно правильно отметил, что «реальная основа ассимиляции, как она определяется И. В. Сталиным, — это порабощение одних племен другими» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 242).

Но К. М. Колобова, как мы знаем, отрицает порабощение древнейшего населения Родоса дорийцами (стр. 30); из ее же взглядов на ассимиляцию вытекает, что этот процесс происходил в форме постепенного растворения дорийских элементов в прежней микенской среде (стр. 31). Почему же в таком случае конечная победа осталась

¹ В. Грозный, Kretas und Vorgrichenlands Inschriften, Geschichte und Kultur, I, Archivum Orientale Pragense, XIV, 1943, № 1—2, стр. 117 сл.; Les inscriptions Crétoises, II, Archiv Orient., XV, 1946, № 3—4, стр. 149 сл.; ср. A. W. Persson, Schrift und Sprache in Alt-Kreta, 1930.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 27 сл.

не за языком критских колонистов Родоса, а за языком дорийского населения острова? Следуя за ходом рассуждений автора, мы, таким образом, встретились с фактом внезапной смерти прежнего языка, которому не дается никакого объяснения. Хотя К. М. Колобова не говорит в своей книге о стадильном взрыве или качественном скачке, но, по сути дела, оставляет для них в своем построении свободное место. В вопросе об ассимиляции микенского населения с дорийцами автор фактически скатывается, как и во всей своей трактовке крито-микенской проблемы, к теории стадильных скачков и взрывов Н. Я. Марра.

Чтобы освободиться от груза прежних ошибок, «необходимо вскрыть их причины и истоки и, что самое главное, включиться в общий фронт борьбы против этих ошибок»¹. Таков один из важнейших принципов большевистской самокритики. Исходя из этого, мы были бы вправе ожидать от автора, раньше разделявшего методологически порочные воззрения Н. Я. Марра, подробного анализа своих прежних ошибок. К. М. Колобова не только не сделала этого в книге, но по сути дела повторила в замаскированной форме положения Н. Я. Марра и его последователя Б. Л. Богаевского. Об этом же ясно свидетельствуют и другие разделы книги.

На стр. 47 мы читаем: «...главный акцент, по правильному замечанию Р. В. Шмидт, в мифе о тельхинах падает не на изобретение металла, а на его обработку». Чтобы убедиться в правильности этого замечания Р. В. Шмидт, согласно примечанию автора, мы открываем книгу Р. В. Шмидт «Металлическое производство в мифе и религии античной Греции»; на стр. 37 сл., между прочим, мы читаем: «Имя тельхинов толковалось уже в древности по-разному... Н. Я. Марр указал мне на возможность сопоставления имени тельхинов с словом τέχνη — „ремесло“, „искусство“, что является особенно подходящим ввиду их отношения к технике и искусству. Τέχνη, в свою очередь, Н. Я. Марр связывает с τεχέω или τίξτω „рождать“, „производить“. Τελ-χίη-ες ... это сокращенное слово АС, точно так же, как τέ-χνη, каждый элемент которого означает „руку“». Вот как Р. В. Шмидт формулирует один из своих доводов в пользу вывода о тельхинах, не добывающих, а обрабатывающих металл, который К. М. Колобова называет «правильным замечанием». Ведь это классический образец палеонтологического, четырехэлементного анализа Н. Я. Марра, названного И. В. Сталиным «действительно идеалистическим». Вся книга Р. В. Шмидт с начала и до конца построена на порочных положениях и приемах Марра. И к этой книге К. М. Колобова отсылает читателя спустя год после выхода в свет замечательного труда И. В. Сталина.

В разделе о тельхинах у К. М. Колобовой содержится и другая методологическая ошибка. Марксистская наука не может оставить без ответа вопрос об исторических преимуществах дорийцев. Почему в столкновении между населением-носителем крито-микенской культуры и дорийскими племенами победа досталась последним? Потому что в руках у дорийцев было железо. В этом и заключалось главное и основное преимущество новой эпохи. Между тем К. М. Колобова определяет тельхинов на Родосе, как микенцев (стр. 49) и отдает им в руки железо. Они опытные мастера-металлурги; дорийцы же периода последней ступени разложения первобытно-общинного строя, предшествующей классовому обществу, изображаются как первобытные дикари. Именно в этой дорийской среде, как хочет доказать К. М. Колобова, возникли легенды о тельхинах, ибо дорийцы видели в работе тельхинов только некое чародейство и ряд магических приемов.

Не менее типичные образцы рассуждений, построенных по методу марровских семантических рядов, семантических пучков и крайнего преувеличения культовых моментов, дают два других раздела той же главы. Тут мы встречаемся с использованием характерного для последователей Н. Я. Марра приема антиисторической архаизации мифов и религиозных представлений. К. М. Колобова, например, видит в мифе о Данаидах, вопреки установившемуся мнению, не отражение исторического

¹ Ю. А. Жданов, О критике и самокритике в научной работе, «Большевик», 1951, № 21, стр. 41.

Факта пленения египтянами данаек, а «матриархальную борьбу» (стр. 33). Весьма показательно, что в тексте докторской диссертации К. М. Колобовой, который, как будет показано, почти без всяких изменений вошел в эту книгу, ее вывод о Данаидах опирался на следующий, теперь механически удаленный со стр. 32 книги, абзац: «Н. Я. Марр толкует термин „Данина“ — „Данита“ гораздо глубже и интереснее, указывая на наличие в Грузии у картов и халдов древнего местного божества „Данина“. Марр вскрывает семантику этого имени Данина или Дануна, как „девушки“, понятие, ведущее нас к матриархальным переживаниям». Таким образом, хотя приведенная ссылка на мнение Н. Я. Марра в книге больше не существует, но основанный на ней вывод автора, как мы видим, остался в полной неприкосновенности.

Последний раздел этой главы под малоговорящим заголовком «К истории одной фрески» (стр. 52—64) посвящен известной тиринфской фреске (рис. 14), изображающей выезд на колеснице. Две женские фигуры стоят на колеснице, одна из них держит поводья. Впереди изображена задняя часть лошади: две задние ноги и хвост. Как понимается это изображение с той точки зрения, которая именуется автором «обычной» (стр. 53)? В ней видят бытовую сцену — девушки выехали на колеснице на небольшую прогулку для собственного развлечения. Такое толкование этого изображения вполне согласуется с господствующими в науке представлениями о крито-микенском искусстве, как искусстве в достаточной мере реалистическом. Что же видит в этом же изображении автор? «Отсечением передней части коня, — пишет К. М. Колобова на стр. 63, — художник избежал необходимости дать ему священный убор, связанный, как правило, всегда с каким-то сакральным действием». Отсюда вывод, который формулируется на той же странице: «Сакральной сцене придан светский характер, но самим искусственным отсечением продолжения сцены (т. е. оставлением только задней части лошади. — Д. К.) оставлен широкий простор культовым ассоциациям, которые должны были непременно возникнуть у каждого зрителя». Таким образом, К. М. Колобова считает, что зрелище задних частей лошади непременно должно вызвать у микенских зрителей культовые ассоциации.

Еще менее убедительны проводимые К. М. Колобовой параллели между тиринфской фреской и другими изображениями. Рисунок на кратере из Эякоми (рис. 17) она, например, толкует следующим образом: «Конь, убранный священной одеждой, является здесь центральной фигурой и весы находятся непосредственно перед конем, как бы призывая его, а не стоящих на колеснице, определить судьбы людей» (стр. 55). Трудно представить себе что-либо более нелепое, чем это толкование. Если согласиться с Нильсоном, как это делает К. М. Колобова, и провести аналогию между изображенной сценой и ст. 209—213 XXII песни «Илиады», где Зевс взвешивает на весах жребии сражающихся героев (ср. VIII, 69—72), то тот факт, что конь оказался в середине изображения, совершенно понятен: во-первых, потому, что по своим размерам конь больше человека; во-вторых, потому, что жребии находятся по одну сторону от коня, а бог, взвешивающий жребии сражающихся, согласно эпической традиции, по другую и обращен к ним лицом.

В приводимом на рис. 21 оттиске кносской печати так же, как и в изображениях на кносских табличках (рис. 22), которые, как это давно доказано, представляют собой инвентарь конюшен, еще труднее найти какие-либо доказательства существования культа коня. Только с точки зрения четырехэлементной схемы Н. Я. Марра, согласно которой один из этих элементов, именно «йон» в различных его вариантах («йон», «кой», «он» и т. д.), восходил к культу «яфетического коня», игравшему весьма видную роль во всех его построениях, приведенные рассуждения К. М. Колобовой, пожалуй имели бы некоторый смысл. Но сейчас, после опубликования труда И. В. Сталина, они, очевидно, никого удовлетворить не могут. Дело, конечно, тут не только в допущенных К. М. Колобовой натяжках в интерпретации фактического материала. Принципиальная, методологическая ошибка всей ее книги заключается в том, что в ней фактически сохранен один из существенных компонентов концепции Марра: тенденция непомерно преувеличивать моменты жизни древнего общества, связанные с культурами, мифологическими представлениями, магией и т. п. Поэтому она

и выступает, как, например, и в данном случае, против обычной в науке светской интерпретации известной микенской фрески.

Та же тенденция проявляется в книге К. М. Колобовой и в оценке производства. Н. Я. Марр искал так называемых производственных корней в происхождении языка; под производством же он понимал обращение к божеству-тотему с целью получения успехов в производстве. Тракуя в своем разделе о тельхиных кузнечное дело на Родосе только как колдовство и магию (стр. 49), К. М. Колобова безусловно подпадает под влияние этого построения. Конечно, любое производство, любая сторона производства в первобытном обществе связывались с колдовством и магией. Принципиальная ошибка Марра и его последователей заключалась не в том, что они изучали мифы и магию, а в том, что, как это делает и К. М. Колобова, они всячески преувеличивали роль мифов и магии, игнорируя значение реального трудового опыта.

В трактовке материала взоры К. М. Колобовой неизменно обращены не вперед, а назад. Она отмечает в своих источниках столько всякого рода пережитков, что они у нее становятся уже не пережитками, а самой жизнью. Между тем, «для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается...»¹. Посмотрим, с этой точки зрения, как К. М. Колобова тракует вопросы социально-политической жизни уже не микенского, а архаического Родоса. На стр. 87 мы читаем: «Вся политическая жизнь Линда после синоикизма сосредоточилась на вопросах культа, на ревности к богам и святыням». Разве допустимо ревностное служение «богам и святыням» называть «политической жизнью»? Марксизм вкладывает в понятие «политическая жизнь» совершенно иное содержание. На стр. 120 автор пишет: «Многовековая привычка смотреть на все сквозь призму генеалогических связей и отношений накладывала, конечно, сильнейшую печать на всю систему мышления античного человека, на его, если так можно сказать, мифологическое понимание окружающего мира» (стр. 120). Как сочетать это утверждение с приведенным выше положением диалектического материализма, согласно которому следует обращать прежде всего внимание не на то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а на то, что возникает и развивается? На стр. 116 К. М. Колобова даже военную организацию родосцев считает военно-религиозным объединением, в известном же требовании Спарты перед началом Пелопоннесской войны изгнать Перикла (стр. 124) она видит не политический маневр, рассчитанный на афинских реакционеров, а проявление живучести все тех же кровно-родственных и сакральных связей. Афиняне не поверили спартамцам и не изгнали Перикла, а К. М. Колобова приняла всерьез и поверила спартанской аргументации. Следует подчеркнуть, что среди всех советских историков только К. М. Колобова вкладывает в известное свидетельство Фукидида об этом событии такой сакрально-кровно-родственный смысл.

Итак, влияние порочной концепции Марра и его учеников привело К. М. Колобову к совершенно немарксистской трактовке целого ряда вопросов, прямо и косвенно связанных с этой темой.

Близость работы К. М. Колобовой к построениям Марра настолько очевидна, что на нее не могли не обратить внимания ее официальные оппоненты. Когда та же самая работа К. М. Колобовой 22 июня 1948 г. защищалась на заседании Ученого совета исторического факультета ЛГУ в качестве докторской диссертации, два из трех ее оппонентов сочли нужным отметить в своих отзывах, что диссертант «умело и всегда уместно... пользуется методами Марра, когда ему требуется объяснить или обосновать сложное историко-культурное явление... или осмыслить тот или иной древний термин». Далее, в отзывах было отмечено, что К. М. Колобова является «адептом учения Н. Я. Марра и исследователем, кренко утвердившимся на позициях его подлинно научного метода», что она «хорошо знакома с трудами... Н. Я. Марра и, опираясь на него, широко привлекает лингвистический материал, а также соответствующим образом интерпретирует мифы, в частности указанный выше миф о Данаидах».

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 101

В 1948 г. К. М. Колобова восприняла эти замечания своих официальных оппонентов, как большую похвалу.

Но с того времени прошло уже почти 4 года, и прешел год со времени опубликования замечательного труда И. В. Сталина до выхода в свет книги К. М. Колобовой. За это время книгу можно было радикально переработать. Однако не трудно выяснить, в чем заключалась эта переработка. Для этого сопоставим книгу К. М. Колобовой, именно страницы 143—154, с ее же статьей под заголовком «К истории вопроса о греческой колонизации», опубликованной в ВДИ, 1949, № 2, стр. 121—131. Совпадение, за исключением нескольких мест, будет полным, ибо в ВДИ был напечатан, без всяких изменений, фрагмент из докторской диссертации К. М. Колобовой. Но статья эта публиковалась в 1949 г., поэтому на стр. 130 журнала мы читаем: «В-четвертых, вопрос о культурном влиянии греков на местные племена, об их опять-таки односторонней цивилизирующей роли должен быть коренным образом пересмотрен. Это положение со всей четкостью было выдвинуто акад. Н. Я. Марром. „Творческий процесс — не от внешних явлений, а от внутренней работы накаплиющихся материальных сил в процессе их диалектического развития“» — далее, ссылка на Н. Я. Марра. Как выглядит это же место на 153 стр. рецензируемой книги? «В-четвертых, вопрос о культурном влиянии греков на местные племена, об их опять-таки односторонней цивилизирующей роли, должен быть коренным образом пересмотрен». Дальше имя Марра и цитата из него убраны. Кого ввела К. М. Колобова в заблуждение? Читателя ли ВДИ, обещав ему пересмотреть вопрос о культурном влиянии греков на местные племена под углом зрения Марра, или читателя книги, пересматривая под тем же углом зрения тот же вопрос, но уже без упоминания Марра.

Сверка текста диссертации К. М. Колобовой с текстом книги не обнаружила никаких следов более глубокой переработки книги. Механически удалены только одни ссылки на Марра и Мещанинова. Так, например, ссылка № 89 к стр. 40 изменена следующим образом: в машинописи диссертации в примечании к стр. 100 говорилось: «Н. Я. Марр... трактует Афины как „женщину“». Н. Я. Марр ссылается при этом на схолию Исидора (Etymolog., VIII, 11, 71): *Minerva apud Graecos Athene dicitur, id est, femina*. В примечании № 89 к стр. 39 сл. рецензируемой книги говорится: «Ср. схолий Исидора (Etymolog., VIII, 11, 71): *Minerva apud Graecos Athene dicitur, id est, femina*». Таким образом, ссылка Марра на Исидора теперь стала уже не его ссылкой, а ссылкой К. М. Колобовой.

Не будем больше продолжать это сличение, ибо теперь и так ясно, в чем заключалась переработка книги. Однако и эта работа не была доведена К. М. Колобовой до конца. В книге остались ссылки на уже упоминавшуюся марровскую книгу Р. В. Шмидт, на книгу Альтмана «Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера». В предисловии к этой книге М. С. Альтман пишет: «К великому сожалению, нет уже возможности отблагодарить того (имеется в виду Н. Я. Марр.— Д. К.), кто был одним из первых вдохновителей моей работы, чьим принципиальным и специальным указанием я так много обязан». К. М. Колобова рекомендует читателям также работу Б. Л. Богаевского «Изображение лошади в позднеродовом обществе Днестро-Днепровского района». Здесь Б. Л. Богаевский, например, пишет: «Нельзя, думается мне, при взгляде на лошадь из Бильчи-Злото не вспомнить положения Н. Я. Марра по палеонтологии речи: „лошадь“ была наречена по „собаке“» (стр. 21).

Итак, позволим себе подвести общий итог. Единственная реакция К. М. Колобовой на опубликование гениального труда И. В. Сталина, всколыхнувшего не только всю нашу страну, но и все передовое человечество, заключалась в том, что она убрала из своей книги ссылки с именем Марра. Но и теперь книга ее содержит в замаскированной форме ряд порочных положений Марра, причем это обнаруживается не только в отдельных выводах, а в самой концепции автора.

Д. П. Каллистов